

статут — судебник, прокурор — страпчий, пар
лицо, свидетели — сидельцы, миля — верста, хор
знамя, коваль — кузнец, муляр — каменщик и др
самым он противопоставляет их, разграничивает
ницы разных языков.

Белорусский язык сыграл важную посредническую роль в заимствовании русским языком лексики европейского происхождения (см. работы А. И. Скляра, В. В. Виноградова, Л. А. Булаховского, Ф. П. Булахова, Ф. П. Сороколетова, В. В. Кошарникова, А. И. Журавского, А. Н. Бульки, И. С. Коваленко, Г. П. Пивторака и других), ср., например, *прокурор* датируется в русском языке XVIII в. в начале XVIII в. и 1541 г., *карета* — XVIII в. и 1589 г., *шафран* — XVII в. и 1582 г.¹⁰⁸, *апелляция* — 1566, *алробация* — 1710 и 1555, *аптека* — начало XVI в., *аренда* — 1656 и 1516, *арфа* — начало XVI в., *ассessor* — 1688 и 1594 гг.¹⁰⁹ Таким образом, воздействие письменного старобелорусского языка на книжно-славянский язык проявилось также в том, что значительная часть неологизмов, вошедших в русскую лексику в XVI—XVII вв. из славянских, западноевропейских и классических языков, сначала преломлялась через призму старобелорусского (или староукраинского) письменного языка.¹¹⁰

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ БЕЛОРУССКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛОРУССИИ

Взаимодействие белорусского и русского языков на территории Белоруссии было несколько раз и проходило в иных формах. Прежде всего,

¹⁰⁷ Судавичене Л. В. Лексические особенности московского устава редакции Литовского статута 1588 г. // Автореф. дис. Филол. наук Вильнюс, 1964.

¹⁰⁸ Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1971; Булька А. М. Запозычанні беларускай мовы. Мн., 1972.

¹⁰⁹ Пивторак Г. П. Русско-белорусские языковые контакты в исторических этапах. С. 247—249.

¹¹⁰ Функционирование русского языка в близкородственном окружении. Киев, 1981. С. 251.

до XVIII в. для Белоруссии было нехарактерно взаимодействие живых (устных) форм белорусского и русского языков, поскольку первые переселенцы из России появляются в Белоруссии лишь в конце XVII в. Взаимодействие белорусского и русского языков на территории Белоруссии охватывало в первую очередь их книжные формы.

Известно, что единство духовной культуры восточных славян, генетическая и структурная близость восточнославянских языков обусловили и единство книжного языка, которым пользовались предки русского и белорусского, а также украинского народов. Относительное единство книжного языка всех восточных славян существует вплоть до XVIII в. Об этом свидетельствует тот факт, что «Грамматика» Мелетия Смотрицкого на протяжении почти двух столетий осознавалась как грамматика родного книжного языка у белорусов, русских и украинцев¹¹¹. Однако это не противоречит факту существования особых книжных старобелорусского и старукраинского языков. Уже в XIV в. в языке некоторых восточнославянских памятников заметно проявляются специфические белорусские черты. В XV—XVI вв. проявления белорусского языка в ряде литературных памятников становятся более устойчивыми. Особенностью литературы Белоруссии этого периода с точки зрения взаимодействия белорусского и русского языков являлась стихийная или сознательная замена древнерусских или книжно-славянских элементов соответствующими средствами белорусского языка¹¹². Типичным примером белорусского варианта церковнославянского языка считают язык пражской «Псалтыри» (1517) и виленьских «Апостола» (1525) и «Малой подорожной книжки» (1522), изданных Ф. Скориной¹¹³. Исследователи отмечают, что вытеснение книжнославянизмов белорусскими элементами осуществлялось в зависимости от жанра религиозной литературы: канонические религиозные тексты оказались менее подвержен-

¹¹¹ Журавлев В. К. Развитие народного образования на родном и русском языках в Белоруссии и на Украине (дооктябрьский период) // Национальный язык и национальная культура. М., 1978. С. 101.

¹¹² Жураўскі А. І. Гісторыя беларускай літаратурнай мовы: У 2 т. Мн., 1967. Т. 1. С. 80.

¹¹³ Жураўскі А. І. Двухмоўе і шматмоўе ў гісторыі Беларусі // Вытанні білінгвізму і ўзаемадзеяння моў. Мн., 1982. С. 22.

ными влиянию белорусского языка; тексты, предназначенные для домашнего чтения, насыщались белорусскими в большей степени.¹¹⁴

В конце XVII и весь XVIII в. взаимодействие старобелорусского и книжно-славянского языков на территории Белоруссии практически отсутствовало, поскольку за это время не было напечатано ни одной книги этих языках. В этот период на территории Белоруссии резко возрастает удельный вес белорусско-польского белорусско-латинского двуязычия, которое существовало также в XV—XVI вв.

Известно, что с 1696 г. после постановления сейма Речи Посполитой старобелорусский язык уступил место латыни и польскому языку в качестве языка государственности, суда- и делопроизводства. Однако латинский язык не закрепился в Белоруссии, как и в самой Речи Посполитой, в этом качестве и постепенно вытеснялся польским. Вплоть до 1830 г. в Белоруссии на польском языке издавались книги, газеты, журналы, велось делопроизводство и школьное образование. После восстания 1830—1831 гг. эти функции постепенно закрепляются за русским языком. До победы Октябрьской революции литература на белорусском языке почти не публиковалась, если не считать ограниченное число преимущественно художественных произведений. Развитие белорусского языка, расширение его общественных функций, изменение взаимоотношений с русским языком происходит после Великой Октябрьской социалистической революции, с победой которой белорусский народ получил право и возможность развивать национальную культуру на родном языке.

Таким образом, старобелорусский язык является одним из источников лексического обогащения русского языка на протяжении длительной эпохи. В XVIII и XIX вв. такая функция белорусского языка угасает, однако этот период в русский язык продолжают проникать отдельные лексемы, например общественно-политические термины *повстанец, повстанческий, отчизна* и др.¹¹⁵

¹¹⁴ Жураўскі А. І. Двухмоўе і шматмоўе ў гісторыі Беларусі. С. 22.

¹¹⁵ Булахов М. Г. Исторические связи русского и белорусского литературных языков... С. 44.